

Рождением и воспитанием я обязан маме и папе. Мне повезло не только с родителями, но и с семейным древом. По линии отца — Георгий Григорьевич Уразов — русский и советский химик, академик СССР и РСФСР, по линии матери — Игорь Эммануилович Грабарь — знаменитый русский и советский живописец первой половины XX века. Возможно, по наследству, сформированный воспитанием и окружением мой интерес к искусству в любой форме не давал мне оставить без внимания моё про-

исхождение и историю моего рода по материнской линии — жизнь и творчество великого художника. Родовое имя — Грабарь — семья Игоря получила случайно. Далёкий предок по фамилии Конч приехал в Венгрию из Украины и женился на дочери местного священника. Родная жены пожелала продолжить династию — так фамилия Конч ушла в прошлое, а художник до 23 лет жил под псевдонимом Храбров. Эту фамилию его отец взял при эмиграции в Россию, чтобы скрыться от преследования.

Анатолий Георгиевич Грабарь родился и вырос в Москве. В возрасте семи лет поступил в общеобразовательную школу, по окончании пяти классов переехал в микрорайон «Строгино», перешёл в кадетскую школу № 1700 им. Героев Севастополя, отучился 5 классов и поступил в гимназию № 1619 им. М. Цветаевой, где окончил 10-й и 11-й классы. Прошёл срочную службу, после увольнения в запас поступил в Московский международный университет на факультет журналистики.

К сожалению, Игорь Эммануилович не был открытым и общительным человеком, поэтому до нас дошло не так много интересных фактов из его жизни, он почти не выходил из комнаты, постоянно работал. Однако в 1937 году выпустил монографию, описывающую жизнь художника в Советском Союзе, проливающую свет и на важные события из жизни моего прадеда. Я бы хотел бы привести некоторые факты из жизни Игоря Эммануиловича со своими комментариями.

Игорь Грабарь писал наполненные светом пейзажи и натюрморты, был архитектором и искусствоведом. Он провёл перепланировку Третьяковской галереи и составил её первый научный каталог. Грабарь организовывал выставки советских художников за рубежом и вёл работы по сохранению древних икон и фресок.

Семья будущего художника жила в Австро-Венгрии, но участвовала в славянофильском движении. Политические взгляды близких родственников повлияли на судьбу маленького Игоря — ему пришлось пережить эмиграцию из Австро-Венгрии, аресты родных и судебные процессы. На одном из судов матери едва не вынесли смертный приговор по обвинению в государственной измене.

Он полюбил живопись в детстве: «Не помню себя не рисующим, не представляю себя без карандаша, резинки, без акварельных красок и кистей». Мальчик рисовал по воображению и копировал портреты военных из журналов. В гимназии Егорьевска, где он учился, рисование преподавал местный художник, он и заинтересовал Грабаря живописью. «Мне до смерти хотелось как-нибудь к нему забраться, чтобы собственными глазами увидеть, как пишут картины и что это за масляные краски, о которых я знал только понаслышке. Я думал, что не выдержу счастья, наполнившего грудь, когда почувствовал сладостный, чудесный запах свежей краски».

Жизнь в лицее оказалась простой. Он был там «живущим стипендиатом», а окружали его мальчишки из состоятельных семей, которые не упускали возможности подшутить над бедностью Грабаря. Он ушёл с головой в живопись и рисование: «У меня было четыре возможности работать с натуры в стенах лицея: писать из окон, писать портреты окружающих, ставить себе натюрморты и сочинять сцены из жизни и

быта лица, списывая детали с натуры». Он рисовал педагогов и работников лица, знакомых и одноклассников. Выходные дни он проводил в Третьяковской галерее и на московских выставках. Грабарь закончил учёбу в лицее с отличием, из Москвы отправился в столицу. В 1889 году поступил сразу на два факультета Петербургского университета — юридический и историко-филологический. Он успевал писать биографии художников и юмористические рассказы для популярного журнала «Нива», рисовать иллюстрации и выступать как художественный критик с обзорами выставок. Тяга к искусству привела Грабаря в мастерскую знаменитого педагога, профессора Павла Чистякова, у него в разные годы занимались Василий Поленов и Валентин Серов. Грабарь писал о занятиях в студии: «Придя в мастерскую, новенький в восторженном настроении садился перед моделью и начинал её рисовать, а иногда и прямо писать. Являлся Чистяков, и, когда очередь доходила до него, учитель принимался разбирать каждый миллиметр начатого этюда, причём свою уничтожающую критику сопровождал такими прибаутками, усмешками и гримасами, что бедняка бросало в холодный пот и он готов был провалиться от стыда и конфуза в преисподнюю. В заключение Чистяков рекомендовал бросить пока и думать о живописи и ограничиться одним рисованием...»

И всё-таки Игорь Грабарь выбрал карьеру художника: после окончания университета он в 1894 году

поступил в Академию художеств, где занимался в студии у Ильи Репина. Через год Грабарь отправился в первое путешествие по Европе, оно затянулось на несколько лет. Он побывал в Париже и Италии, учился в популярной у европейских мастеров студии художника-педагога Антона Ашбе в Мюнхене. Вскоре он уже там преподавал, возглавив одно из отделений школы, и продолжал изучать живопись, скульптуру и архитектуру.

Весной 1900 года Игорь Грабарь побывал на Всемирной выставке в Париже: «Незабываемы впечатления, вынесенные мною от ретроспективного отдела выставки, в котором впервые столь полно были представлены такие гиганты французского искусства как Милле, Курбе, Мане. Но эта выставка мне подсказала мысль, не дававшую мне с тех пор покоя, — мысль, что художнику надо сидеть у себя дома и изображать свою, ему близкую и родную жизнь. Милле, Курбе и Мане писали то, что видели вокруг себя, потому что понимали это своё лучше, чем чужое, и потому что любили его больше чужого». В 1901 года Грабарь вернулся на родину.

В период после путешествий с Игорем Грабарём произошла история, которая едва не стоила ему жизни. Художник приехал к отцу в Адлер и привёз деньги для ремонта дома. Слух о большой сумме прошёл далеко за пределы усадьбы, и в одну из ночей в дом проник вор с топором. Игорь Эммануилович получил удар в висок, притом такой силы, что был пробит череп. Если бы отец не зашёл

«Февральская лазурь» (1904), «Мартовский снег» (1904), «Иней» (1905). Изменения в природе и в освещении происходили быстро, и художник писал с азартом, «швыряя краски на холст, как в исступлении, не слишком раздумывая и взвешивая». Идею для «Февральской лазури» подсказала художнику природа во время прогулки в лесу. Он засмотрелся на берёзу и выронил палку, наклонился за ней и случайно поднял глаза вверх. В книге «Моя жизнь» Грабарь так писал об этом случае: «Я стоял около дивного экземпляра берёзы, редкостного по ритмическому строению ветвей. Когда я взглянул на верхушку берёзы снизу, с поверхности снега, я обомлел от открывавшегося передо мной зрелища фантастической красоты: какие-то перезвоны и перекликания всех цветов радуги, объединённые голубой эмалью неба... Я тотчас же побежал за небольшим холстом и в один сеанс набросал с натуры эскиз будущей картины». Чтобы достичь впечатления низкого горизонта, он сделал в глубоком снегу траншею и разместился там с мольбертом и большим холстом. Грабарь использовал для передачи цвета «голубой эмали неба» разные оттенки голубого. За две с половиной недели он закончил полотно полностью на натуре. Сам художник называл «Февральскую лазурь» самым значительным своим произведением, хотя я лично так не считаю. Игорь Грабарь говорил: с окончанием зимы жанр пейзажа для него терял привлекательность. Тогда он начинал писать натюр-

к нему ранним утром, выжить его сын не смог бы.

В столице он стал одним из главных критиков в журнале «Мир искусства». В 1903 году живописец переехал из Петербурга в Москву. На одной из московских выставок он встретил художника Николая Мещерина, и тот пригласил Грабаря в гостеприимную усадьбу Дугино. С тех пор он подолгу бывал в усадьбе и здесь же встретил будущую жену Валентину, племянницу Николая Мещерина. Вокруг усадьбы располагались живописные места, русская природа вдохновляла художника. Он много работал: вставал в пять-шесть часов утра и шёл на этюды, писал, забывая об отдыхе и еде.

В начале 1900-х Грабарь увлёкся импрессионизмом. Он любил зиму и зимние пейзажи, создал полотна

морти. В Дугине круглый год в саду и оранжерее росли цветы, и среди натюрмортов 1910-х годов в творчестве Грабаря стали преобладать цветочные — он создал полотна «Хризантемы» (1905), «Неприбранный стол» (1907), «Дельфиниум» (1908).

Талант мастера проявился не только в живописи и графике, но и в архитектуре. Екатерина Захарьина, вдова знаменитого врача Григория Захарьина, предложила Игорю Грабарю возвести в их имении больницу-мемориал в память об умершем сыне. Он с увлечением принялся за проект. Инженеры-конструкторы и строители по проекту Грабаря построили большую современную больницу с несколькими корпусами, домами для врачей и операционной. После завершения проекта он хотел вновь заняться архитектурой, но пришлось выбирать между зодчеством и наукой: на тот момент он вёл обширную работу над многотомной «Историей русского искусства». Грабарь стал редактором и автором нескольких ключевых разделов в многотомнике для издательства Иосифа Кнебеля. Он собирал архивные материалы по всей стране и не занимался живописью. «Эта «История искусства» есть в сущности почти уже история русской культуры. Мне хотелось бы выпустить 12 томов... Нужен занимательный рассказ, близкий к описанию жизни и быта в разные эпохи, иллюстрированный произведениями искусства», — писал он.

Первый выпуск «Истории» вышел в 1908 году, до 1915 года было выпущено восемь томов. Книги успешно

публиковались, но работу над многотомником остановили: во время Первой Мировой войны издательство Кнебеля разгромили, многие стеклянные негативы были утрачены. Грабарь писал: «Ведь потому-то я и вынужден был прекратить выпуск «Истории», что все негативы — до 20 000 штук — снятые под моим руководством, а в значительной степени и мною лично, были уничтожены. Среди них были не сотни, а тысячи драгоценнейших, уникальных документов, ныне уже не восстановимых, ибо я исколесил всю Россию, весь Север, все значительные усадьбы в центральных губерниях». После этого события художник несколько месяцев не мог работать. Монументальный труд «История русского искусства» стал важным этапом в отечественном искусствоведении.

В 1913 году Игорь Грабарь возглавил Третьяковскую галерею. В письмах он говорил: согласился на эту должность, чтобы изучать искусство художников не через стекло, «а вплотную, на ощупь, с обстоятельным исследованием техники, подписи, всех особенностей». Он провёл масштабную перепланировку экспозиции музея, вызвав дискуссии в газетах и на заседаниях Государственной думы. Стены в залах галереи до прихода Грабаря были от пола до потолка загружены картинами, без какой-либо логики — «крошечные этюдики рядом с огромными холстами». В основу новой экспозиции Грабарь положил новаторские для того времени монографический и исторический принципы. Сотрудни-

ки музея провели перепланировку части залов, убрали щиты и перегородки. Частная коллекция превратилась в музей европейского типа. Преобразования поддержали деятели искусства: художник Илья Репин говорил: «Была проделана огромная и сложная работа на славу галереи Павла Третьякова». Грабарь составил и первый научный каталог галереи: под его руководством проверили и заново описали более четырёх тысяч экспонатов. Он приобрёл для Третьяковской галереи картины классиков русского искусства Ореста Кипренского и Павла Федотова, полотна «новейших» художников — Ильи Машкова, Кустодиева. Игорь Грабарь проработал директором галереи до 1925 года.

После революции художник остался в России и занимался административной музейной работой. В 1918 году по его инициативе в Москве открыли Центральные реставрационные мастерские. В первой трети XX века историки и реставраторы вели большую работу по раскрытию образцов древнерусского и византийского искусства — росписей и икон, уцелевших в старинных монастырях и церквях. Благодаря Грабарю сохранили многие произведения иконописи. В начале XX века реставрацию называли ремонтом: перед ней не проводили научных исследований. Грабарь хотел сделать реставрацию наукой: он привлекал к работам учёных — химиков, физиков и микробиологов, организовывал и участвовал в экспедициях в Новгород и Псков, по городам Поволжья,

в Крым и на Кавказ. Экспедиции проводили, чтобы найти, отреставрировать и укрепить памятники искусства и старины. В письме к жене Валентине он говорил: «И вот теперь я организовал работы по расчистке всех циклов фресок и икон Рублёва, а одновременно — по расчистке стен владимирских храмов и главным образом знаменитых чудотворных икон Боголюбской Богоматери, Максимовской и Владимирской... И должен сказать, результаты превзошли самые смелые надежды: мы уже сейчас знаем вещи, о которых недавно и не снилось... Всю историю древнерусской живописи приходится пересматривать».

Несмотря на то что в 1920-е годы Игорь Грабарь занимался общественной работой, живопись он не оставлял. Художник писал натюрморты, чтобы «поддерживать беглость руки»: «натюрмортная зарядка» — так он называл свои полотна. В композициях соединял разные фактуры и насыщенного колорита тёплых и холодных цветов, как в картинах «Яблоки и астры» (1922), «Груши на зелёной драпировке» (1922).

В более поздние годы художник был директором музея-усадеб «Абрамцево», руководил Институтом имени В. И. Сурикова. На закате жизни Игорь Грабарь поселился в Абрамцево, любимом месте многих русских художников, где и находится дача моей семьи, там познакомились мои родители. Игорь Эммануилович продолжил заниматься живописью и работать над «Историей русского

искусства». В письме коллеге Грабарь писал: «Вы увидели бы, какой с третьего этажа моей дачи русский простор открывается — просто дух захватывает. Всё лето занимался живописью...» Он создавал летние и зимние пейзажи, обращался к излюбленной зимней теме в работах «Иней» (1952), «Зимний пейзаж» (1954). В 1960 году Игорь Грабарь умер в возрасте 89 лет, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Ежегодно проводятся выставки в честь художника, в прошлом году — в Петербурге, которую я, к сожалению, посетить не смог. Но я не один раз посещал Новую Третьяковскую галерею, где Игорю Эммануиловичу выделена половина зала. Здесь представлены три его знаменитых работы — «Февральская лазурь», «Хризантемы», «Неприбранный стол».